

119	0102	БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ	"Лирное вино"
-----	------	-----------------	---------------

«ЛИРНОЕ ВИНО» (Коренблит – Лившиц)

В. Моцарту посвящается

От собеседника

Бенедикт Лившиц – поэт Серебряного века, принадлежащий к “цеху” русских футуристов... Самобытный слог позволяет лишь с некоторым приближением определить его место в общем ряду поэтов Серебряного века. Скорее всего, Б.Л. достаточно самобытен и уникален, хотя влияние более крупных поэтов всё-таки заметно. Серьёзное увлечение Б.Л. живописью вполне отчётливо отразилось на поэтических образах, стилистике и т.д. В. Брюсов, а затем и Н. Гумилёв, заметили уже его первую книгу, хотя она вышла тиражом в 150 экз.(!) Ранняя искущённость, гротеск, эпатаж – вот характеристики, с которыми Б.Л. пришёл в поэзию и в этом качестве утвердился. Мне было необходимо создать Нотный портрет Б.Л. для более полного представления об эпохе начала XX-го века, полной экспрессии, мятежности и ... эротики.

«Лирное вино» - самая восхитительная и опьяняющая «жидкость», которая может заменить все вина вместе взятые. Упоение от творчества, от создания из «Ничего» мысли, образа, характера, одним словом «Нечто» - несомненно заменит любые земные напитки, не так ли, мой Слушатель?

Ваш Станислав Коренблит

1. Пан	- 2.02
2. Эрос	- 1.29
3. Больная девственностью	- 1.03
4. Знаем мы	- 1.27
5. Приобщение	- 1.22
6. Когда?	- 1.24
7. Лунатическое рондо	- 1.27
8. Медленная вера	- 1.40
9. Предчувствие	- 1.14
10. Молчащая любовь	- 1.27
11. Разве жаль?	- 1.52
12. Сентябрь проклятый	- 1.41
13. Сердце вечера	- 1.33
14. Печальный лик	- 1.29
15. Фуга	- 1.39
16. Нева	- 0.54
17. Лирное вино	- 1.40
18. Уста тугие	- 0.53
19. Пьянитель рая	- 1.03
20. И петъ!	- 1.10
21. По следам Орфея	- 2.04
22. Неспроста	- 1.23
23. И вижу	- 1.33
24. Неделимый	- 1.29

Общее время звучания – 34.58

СОДЕРЖАНИЕ

1. ПАН

Все робкие тени, все краски весенние –
Земли обольстительный грим!
Все запахи, шорохи, зовы, движения –
Все было замыслено Им,
И пытка любви прикрывалась забавами:
Весна приходила с бичом,
И новь загоралась цветами и травами
Под властным весенним бичом.
В полночных чертогах, возникших из воздуха,
Туманов и первых цветов,
Резвились без устали, вились без роздыха
Незримые демоны снов.
Спускаясь на землю дорогой знакомою –
По матовым сходням луны, -
Они искушали любовной истомою
Жрецов непорочной луны.
Безумцы, влекомые страстью разнузданной
На ложа зачатий и мук,
Глумились над Эросом, тенью неузнанной
Бродившим, искавшим свой лук.
И Эрос, терзаемый всеми, что тратили
На оргиях пламя любви,
Провидел: появятся скоро каратели
За смертную пытку любви.

2. ЭРОС

Мы строго блюдем сокровенные заповеди –
Любовный завет:
Когда розовеет и гаснет на западе
Рубиновый свет,
Мы белыми парами всходим по очереди
На Башни Луны
И любим в святилищах девственной дочери
Немой вышины.
О, счастье вступить за черту завоеванного
Священного сна
И выпить фиал наслажденья любовного
До самого дна!
О, счастье: за ночь под серебряно-матовою
Эгидой луны
Не надо платить подневольною жатвою –
Как в царстве весны!
О, счастье: лишь прихотям Эроса отданные,
Мы можем – любя –
На каменном шаре, как камень бесплодные,
Сгореть для себя!

3. БОЛЬНАЯ ДЕВСТВЕННОСТЬЮ

Больная девственностью, ты,
Как призрак, бродишь в старом доме,
Лелея скорбные цветы,
Тобой возвращенные в содоме
Нимфоманической мечты.
Когда влюбленные коты
Хрипят в мучительной истоме,
Ты ждешь вечерней темноты,
Больная девственностью...
Окно. Далекие кресты
Пылают в предзакатном хrome...
Ты все одна - и в доме, кроме
Твоей, все комнаты пусты...
Ты плачешь, заломив персты,
Больная девственностью...

4. ЗНАЕМ МЫ

Кафе. За полночь. Мы у столика –
Еще чужие, но уже
Познавшие, что есть символика
Шагов по огненной меже.
Цветы неведомые, ранние
В тревожном бархате волос,
Порочных взоров замирание,
Полночных образов хаос,
Боа, упавшее нечаянно,
И за окном извивы тьмы –
Все это сладкой тайной спаяно,
И эту тайну знаем мы.
Ты хочешь счастья? Так расстанемся
Сейчас, под этот гул и звон,
И мы с тобою не обманемся,
Не разлюбив возможный сон.

5. ПРИОБЩЕНИЕ

Спеша, срываешь ты запястья с лодыжек
И – вся нагая – ждешь, чтоб дикий дух огня
Свой тяжкий поцелуй на нас обоих выжег
И пламенным кольцом сковал тебя - меня.
От бронзы вечера коричневеет кожа,
И, нежно слитая зеленоватой тьмой
С лесными травами, с землею, ты похожа
На бугорок земли, на часть ее самой.
Я знаю: ты – ее уста! Я обессмерчу
Свою любовь, себя, - прильнув к твоим устам
И на твоей груди прислушиваясь к смерчу
Страстей самой земли, бушующему Там!

6. КОГДА?

Когда бесценная червонная руда
Уже разбросана по облачным Икариям,
И в них безумствует счастливая орда
Златоискателей, и алым бестиарием
Становится закат, для нас одних тогда
Восходит бледная вечерняя звезда,
И в синей комнате, расплывшейся в аквариум,
Мы пробуждаемся... "Ты мне расскажешь?" – "Да...
Когда...
Но ты не слушаешь!" – "Ах, я ушла туда,
где реет хоровод по дьявольским розариям,
В лощины Брокена..." – и к нежным полушариям
(Сам Леонард на них оставил два следа)
Прижав мою ладонь, лепечешь без стыда:
"Когда?"

7. ЛУНАТИЧЕСКОЕ РОНДО

Как мёртвая медуза, всплыл со дна
Ночного неба месяц, - и инкубы,
Которыми всегда окружена
Твоя постель, тебе щекочут губы
И тихо шепчут на ухо: луна!
Облокотясь, ты смотришь из окна:
Огромные фаллические трубы
Вздымаются к Селене, но она –
Как мертвая медуза...
И тонкий запах лунного вина
Тебя пьянит... ты стонешь: на луну бы!
Но я молчу – мои движенья грубы...
И ты одна – в оцепененье сна –
Плывешь в окно, бледна и холодна, -
Как мертвая медуза.

8. МЕДЛЕННАЯ ВЕРА

Ты вырастаешь из кратера,
Как стебель, призванный луной:
Какая медленная вера
И в ночь, и в то, что ты со мной!
Пои, пои жестокой желчью
Бегущие тебя цветы:
Я долго буду помнить волчью
Дорогу, где блуждала ты,
Где в час, когда иссякла вера
В невоплощаемые сны,
Из сумасшедшего кратера
Ты доплеснулась до луны.

9. ПРЕДЧУВСТВИЕ

Расплещутся долгие стены,
И вдруг, отрезвившись от роз,
Крылатый и благословенный
Пленитель жемчужных стрекоз,
Я стану тяжелым и темным,
Каким ты не знала меня,
И не догадаюсь, о чем нам
Увядшее золото дня
Так тускло и медленно блещет,
И не догадаюсь, зачем
В густеющем воздухе резче
Над садом очертится шлем, -
И только в изгнание поэта
Возникнет и ложе твое,
И в розы печального лета
Архангел струящий копье.

10. МОЛЧАЩАЯ ЛЮБОВЬ

В небе - бездыханные виолы,
На цветах - запекшаяся кровь:
О, июль, тревожный и тяжелый,
Как моя молчащая любовь!
Кто раздавит согнутым коленом
Пламенную голову быка?
И, презрев меня, ты реешь тленом,
Тонким воздыханием песка –
В строго-многоярусные строи
Зноем опаляемых святых, -
И за малым облаком перо, и
Светлый враг в покровах золотых!

11. РАЗВЕ ЖАЛЬ?

Никого, кроме нас... Как пустынная аллея платановая!
В эти серые дни на бульвар не приходит никто.
Вот - одни, и молчим, безнадежно друг друга обманывая.
Мы чужие совсем - в этих темных осенних пальто.
Все аллеи как будто устелены шкурою тигровою...
Это – желтое кружево листьев на черной земле.
Это – траур и скорбь. Я последнюю ставку проигрываю
Подневольным молчаньем - осенней серебряной мгле.
Что ж, пора уходить?... Улыбаясь, простимся с безумиями...
Только как же сказать? – ведь осеннее слово – как сталь...
Мы молчим. Мы сидим неподвижными, скорбными мумиями...
Разве жаль?..

12. СЕНТЯБРЬ ПРОКЛЯТЫЙ

Воспоминанья стольких маев
(Мы жили маями!)

Кольцо твоих последних уст
(Не будет этих легких уст!)
Они уйдут с лица, растаяв
(Они уже почти растаяли!).
О, золото сентябрьских узд,
Неверных узд!
Предательский сентябрь! Нефритом
Волнуется мое окно,
И каменеет недопитым –
В стаканах – тяжкое вино...
И все настойчивей и пристальней
Мечи вина,
Тяжелые мечи вина,
И пристальней из-за окна
Встревоженные мачты пристаней.
- Ах, я должна...
- Останься, сжался... -
Волна окна...
Волна нефритового вальса...
Унесена... унесена ты
Нефритовым вином окна...
Сентябрь проклятый!

13. СЕРДЦЕ ВЕЧЕРА

О сердце вечера, осеннего, как я,
Пришедшая сказать, что умерли гобои
За серую рекой, - немного, как ладья,
В которой павшие закатные герои
Уплыли медленно в подземные края!
Ты все изранено: стальные лезвия –
Ах, слишком ранние! – возникли над тобой и
Моим – Офелии, - и кровь твоя – моя,
О сердце вечера!..
Изнеможенное, темнеешь ты, лия
Рубиновую смерть на гравий, на левкой,
За мною следуешь в безмолвные покои,
И вспыхивает в них кровавая семья
Забывших призраков, зловеще вопия
О сердце вечера!

14. ПЕЧАЛЬНЫЙ ЛИК

Печальный лик былой любви возник
В моей душе: вечерняя неистовая
Фантазия влечет меня в тайник
Минувшего, и, тихо перелистывая
Страница за страницей дневник,
Я вновь, любовь, твой робкий ученик,
Я вновь тебе подвластен, аметистовая
Звезда любви, явившая на миг

Печальный лик...
И вновь легки неверные пути к
Былому, в сад, где соловей, насвистывая,
Узорит тишь, где занавесь батистовая
Дрожит в окне и, при луне, в цветник
Склоняется в простом венке гвоздик
Печальный лик...

15. ФУГА

Смолкнет длительная fuga
Изнурительного дня.
Из мучительного круга
Вечер выведет меня,
И, врачуя вновь от тягот,
Смертных тягот злого дня,
Поцелуй ночи лягут,
Нежно лягут на меня.
Спрятав голову, как страус,
Позабыв о стрелах дня,
Я уйду в полночный хаос,
Вновь расцветший для меня.
А под утро за измену
Дам ответ владыке дня
И с проклятием надену
Плащ, измучивший меня.

16. НЕВА

Вольнолюбивая, донныне
Ты исповедуешь одну
И ту же истину, рабыней
В двухвековом не став плену.
Пусть нерушимые граниты
Твои сковали берега,
Но кони яростные взвиты
Туда, где полночь и пурга.
Пусть не забывший о героях
И всех коней наперечет
Запомнивший ответит, что их
В стремнину темную влечет?
Иль эти мчащиеся, всуе
Несбыточным соблазнены,
Умрут, как Петр, от поцелуя
Твоей предательской волны?

17. ЛИРНОЕ ВИНО

Когда на мураве, с собою рядом
Ты музу задремавшую найдёшь,
Ни словом, ни нетерпеливым взглядом
Ее видений сонных не тревожь.

Не прерывай божественной дремоты:
Застыло солнце, и родник не бьет,
И только мерно заполняет соты
Благоуханный и прозрачный мед.
О, никаких не должно соответствий
Тебе искать в созвучиях – пока:
Все за тебя и вовремя, как в детстве,
Заботливая сделает рука.
Недолго ждать: незримые зефиры
Еще резвятся с музой в полусне,
Но золотое средоточье лиры
Уже обозначается вполне –
Там, высоко, в сужающемся круге,
Где бытие твое заключено,
И под рукой очнувшейся подруги
Сейчас прольется лирное вино.

18. УСТА ТУГИЕ

Раскрыт дымящийся кратер,
И слух томится – наготове –
И ловит песенный размер
Переливающейся крови, -
И рифма, перегружена
Всей полнотою мироздания,
Как рубенсовская жена,
Лежит в истоме ожиданья...
К чему ж – предродовая дрожь
И длительная летаргия?
О, почему уста тугие
Ты все еще не раскуешь?
Иль, выше наших пониманий,
Ты отдаешь любовь свою
Тому, что кроется в тумане
Да в смертном схвачено бою?

19. ПЬЯНИТЕЛЬ РАЯ

Пьянитель рая, к легким светам
Я восхожу на мягкий луг
Уже тоскующим поэтом
Последней из моих подруг.
И, дольней песню томимы,
Облокотясь на облака,
Фарфоровые херувимы
Во сне качаются слегка, -
И, в сновиденьях замирая,
Вдыхают заозерный мед
И голубые розы рая,
И голубь розовых высот.
А я пою и кровь, и кремни,

И вечно-женственный гашиш,
Пока не вступит мой преемник,
Раздвинув золотой камыш.

20. И ПЕТЬ!

Есть в пробужденье вечная обида:
Оно изгнание, а не исход
Из сновидения, где Атлантида
Вне времени явилась нам из вод.
Насельники исчезнувшего берега
И с явным берегом явно не в ладу,
Зачем должны мы, идя внутрь ковчега,
Менять сердцебиенье на ходу?
И петь! И петь! Иль, в самом деле, снова
Поющей плотью станет этот крик –
И выплывет из океана слова
Метафоры ожившей материк?

21. ПО СЛЕДАМ ОРФЕЯ

Глубокой ночи мудрою усладой,
Как нектаром, не каждый утолен:
Но только тот, кому уже не надо
Ни ярости, ни собственных имен.
О, тяжкий искус! Эта ширь степная,
Все пять морей и тридцать две реки
Идут ко мне, величьем заклиная,
И требуют у лиры: нареки!
Но разве можно тетивы тугие
На чуждый слуху перестроить лад,
И разве ночью также есть Россия,
А не пространств необозримых плат?
Как возложу я имя на поляны,
Где мутным светом все напоено,
И, совершая подвиг безымянный,
Лежит в земле певучее зерно?
Уже мне внятны: дивное зачатье
И первый поиск звука в глубине,
Двух полюсов земных рукопожатье,
В младенчестве приснившееся мне, -
И в забытии, почти не разумея,
К какому устремляюсь рубежу,
Из царства мрака, по следам Орфея,
Я русскую Камену вывожу.

22. НЕСПРОСТА

Так вот куда, размыв хребты
Прамязыки материковой,
О дильовическое слово,
Меня приподымаешь ты! -

В безмолвие, где ты само
Уже не существуешь боле,
И мне богоподобной воли
Предопределено ярмо.
О, Господи, подай хоть знак
Твоей отеческой досады,
Что в лирных небесах не так
Уселся звук широкозадый,
Что слишком много в нем росы
И тяжести земного мая,
Чтоб, зодиака не ломая,
Возлечь на звездные весы, -
И это будет неспроста,
Но по любви твоей небесной,
Когда рукой в перчатке тесной
Мне муза заградит уста.

23. ИЗ-ПОД ОЛИМПА

Я вас любил, как пес: тебя, концом сандалии
Почесывая мне рубиновую плешь,
Тебя, заботливый, в разгаре вакханалии
Кидавший мне плоды: "Отшельник пьяный ешь!"
Остроты стертые, звучали необычной вы,
Мудрее, чем всегда... Я славил пир ночной,
И ноги танцовщиц, и яства, и коричневый
Собачий нос, и все, что было надо мной.
Но вот - благодаря чьему жестокосердию? -
Я вытащен наверх, на пьяный ваш Олимп,
И вижу грязный стол, казавшийся мне твердию,
И вижу: ни над кем из вас не блещет нимб!
О, если бы я мог, скатившись в облюбованный
Уютный уголок, под мой недавний кров,
Лежать на животе, как прежде очарованный,
Как смертный, никогда не видевший богов!

24. НЕДЕЛИМЫЙ

Ещё не кончен путь печальный,
А сердце, снова налегке,
Откалывает пляс охальный
В обросшем мясом костяке.
Ну что ж, стремись навстречу бури:
Да здравствует распад, разброд!
Отдай телурию телурий
И водороду – водород.
А я, от века неделимый
И равный самому себе,
Я изменю лишь облик зримый,
Не изменив своей судьбе.
И там, за гранью ночи явной –

Excelsior! Excelsior!* -
Который раз в неравноправный
Вступлю я с жизнью договор.

...

*Выше! Выше! (лат).